

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.30>

Тариева Лилия Увайсовна

Деривация союзных средств, связывающих части сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным времени в нахском языке

Цель статьи заключается в исследовании пласта союзных средств, соединяющих части гипотаксиса с временными отношениями, с точки зрения их мотивированности и позиции в составе сложного предложения. Установлено, что обстоятельственные придаточные времени в нахском языке содержат в своем составе скрепы, исторически связанные с аффиксоидными морфемами или с элементами синтетического строя языка. Научная новизна анализа связующих средств, выражающих временные отношения, заключается в экспонации специфики их возникновения, что может пролить свет на своеобразие деривации союзов в эргативных нахско-дагестанских языках в целом. Кроме того, в статье впервые структура союзного слова интерпретируется с точки зрения функции экстрагированных в морфемную зону слов, наряду с синтетическими сегментами речи, диахронически объединяющимися в одну лексему, способную в процессе развития языка трансформироваться в служебное слово. Полученные результаты помогут отличить мотивированные союзные слова от примарных, в совокупности выступающих как верифицирующая база, достаточная для их квалификации в качестве исконных слов ингушского нахского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/8/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 154-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

19. **Русская грамматика:** в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
20. **Табулова Н. Т.** Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. 352 с.
21. **Чикобава А. С.** Проблема простого предложения в грузинском языке. I. Подлежащее и дополнение в древнегрузинском языке (материалы по методологическому имманентизму) // Чикобава А. С. Труды: в 4-х т. Тбилиси: ТГУ, 2010. Т. I. С. 249-630.
22. **Чикобава А. С.** Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. 2. Теория сущности эргативной конструкции. Тбилиси: Издательство АН ГССР, 1961. 170 с.
23. **Чакадуа Л. П.** Избранные труды: в 2-х т. Сухум: АБИГИ АНА, 2012. Т. I. 424 с.
24. **Шанский Н. М., Распопов И. Т., Тихонов А. Н.** Современный русский литературный язык. Л.: Просвещение, 1981. 584 с.
25. **Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А.** Грамматика адыгейского литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 464 с.
26. **Allen W.** Structure and System in the Abaza Verbal Complex // Transactions of the Philological Society. Hertford, 1956. № 55. P. 127-176.
27. **Lomtadidze K. V., Klichev R. N.** Abaza // The Indigenous Languages of the Caucasus: in 3 vols / ed. by B. G. Hewit. Dolmar – N. Y.: Karavan Books, 1990. Vol. 2. P. 89-154.
28. **Pazov S. U.** About Some Peculiarities of Syntactic Relations of the Principal Parts of the Sentence in Abazin Language // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 4. P. 141-144.
29. **Pazov S. U.** To the Question about Classification of Sentence's Members to the Main and Secondary in Abazin Language // European Journal of Natural History. 2010. № 4. P. 40-45.

Syntactic Position of Object in the Abaza Language

Pazov Sergey Umarovich, PhD

Pazova Lilia Kashifovna, PhD

U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk

pazov@rambler.ru; lilia@rambler.ru

The study aims to identify the position of the direct and indirect object in a simple sentence of the Abaza language, in which grammatical relations of the subject, object and predicate are formed by using class-personal affixes determining a syntactic status of sentence members. Scientific originality of the paper lies in the fact that the authors describe all possible syntactic positions of the object in the Abaza language. The following conclusions are justified: 1) with a transitive predicative verb, the direct object precedes or follows the predicate, and the indirect object occupies a syntactic position between the subject and direct object; 2) with an intransitive predicative verb, the indirect object occupies a syntactic position between the subject and predicate; 3) a syntactic position of the object often depends on actual division of a sentence, rhyme. Such cases are also described in the article.

Key words and phrases: Abaza language; simple sentence; predicate; subject; object; class-personal formants; grammatical relations of sentence members.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.30>

Дата поступления рукописи: 17.03.2020

Цель статьи заключается в исследовании пласта союзных средств, соединяющих части гипотаксиса с временными отношениями, с точки зрения их мотивированности и позиции в составе сложного предложения. Установлено, что обстоятельственные придаточные времени в нахском языке содержат в своем составе скрепы, исторически связанные с аффиксоидными морфемами или с элементами синтетического строя языка. **Научная новизна** анализа связующих средств, выражающих временные отношения, заключается в экспонации специфики их возникновения, что может пролить свет на своеобразие деривации союзов в эргативных нахско-дагестанских языках в целом. Кроме того, в статье впервые структура союзного слова интерпретируется с точки зрения функции экстрагированных в морфемную зону слов, наряду с синтетическими сегментами речи, диахронически объединяющимися в одну лексему, способную в процессе развития языка трансформироваться в служебное слово. **Полученные результаты** помогут отличить мотивированные союзные слова от примарных, в совокупности выступающих как верифицирующая база, достаточная для их квалификации в качестве исконных слов ингушского нахского языка.

Ключевые слова и фразы: нахский язык; союзное средство; аффиксоид; морфемный шов; анлаутная позиция; инлаутная позиция; однородные предикации.

Тариева Лилия Увайсовна, д. филол. н., доц.

Ингушский государственный университет, г. Магас

Tarieva00@mail.ru

Деривация союзных средств, связывающих части сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным времени в нахском языке

В языках различных стратегий становление союзных средств, связывающих части сложной конструкции, и функционально, и семантически неоднозначно. В языках эргативного строя проблема определения пласта

союзных слов в составе сложноподчиненного предложения на сегодняшний день остается одной из неразрешенных. *Актуальность* исследуемой темы связана с трудностью дифференциации в эргативном языке развернутого члена предложения и придаточной части сложной конструкции. Одной из основных причин неразделенности этих двух категорий считается отсутствие достаточно исследованного пласта средств когезии (союзов, союзных слов), соединяющих части сложного предложения.

Ингушский язык синхронно сильно аффиксоидный [9]. Возникновение языковых единиц суффиксоидной деривацией, т.е. на основе перехода автономных слов, свойственных современному ингушскому словарю, в морфемную область языка [7], на сегодняшний день относится к одной из важных задач в данном нахском языке, связанных не только с возникновением средств когезии. Префиксоиды и суффиксоиды, композитные отношения в составе производного слова (в нашем случае – производных союзных средств) должны быть дифференцированы в нахском языке от элементов синтетического строя языка, экстрагировавших в область союзов.

Релевантной *задачей*, синхронно требующей разрешения, является вскрытие синтетического способа возникновения средств когезии ингушского гипотаксиса. Главным *методом* интерпретации слов, экстрагировавшихся в морфему, является компонентный анализ, способствующий обнаружению способа возникновения подчинительных союзов с временным значением. Описательный метод помогает обозначить круг союзных слов, участвующих в присоединении придаточного обстоятельственного времени к главному предложению.

Способы возникновения союзных средств, объединяющих части гипотаксиса ингушского языка с зависимым обстоятельственным времени, неоднозначны. В статье поднимается и вопрос о месте союзного слова в составе сложного высказывания, обычно сильно привязанного к глаголу-сказуемому и потому зависящего от него. Позиция связующего слова в составе сложноподчиненного предложения исследуется посредством сравнительного метода. Сопоставляются предикации главных предложений с грамматической основой придаточных, присоединяемых разными союзными словами, чтобы достоверно определить синхронное размещение исследуемых скреп.

Придаточное обстоятельственное предложение со значением времени в ингушском языке характеризуется тем, что в его составе содержится указание на время совершения действия, обозначенного в главной части сложной конструкции.

Части сложной конструкции представлены в статье различным сочетанием трех основных типов простых ингушских предложений (номинативные, эргативные, аффективные), объединенных производными союзными словами. Интерпретация компонентов предикаций главной и зависимой частей сложноподчиненного предложения также является релевантной задачей эргативного синтаксиса, которая увязывается нами с проблемой мотивированности/немотивированности союзных средств.

Теоретической базой исследования средств связи между частями гипотаксиса явились работы разных лет ведущих лингвистов-ингушеведов: Н. Ф. Яковлева (2001), И. А. Оздоева (1981), Ф. Г. Оздоевой (1975), Х. Р. Хайровой (2007), А. З. Гандалоевой (2018), Л. У. Тариевой (2017, 2019). Ни в одной из этих работ союзные слова не исследовались с точки зрения этимологии, непосредственно связанной с деривационными процессами, исторически возникшими в процессе экстрадиции ингушского языка из синтетического строя в эргативную область.

Практическая значимость статьи видится в возможности безошибочного определения пласта союзов (союзных слов) по их деривационной структуре и позиции по отношению к глаголу-предикату, что должно снять другую важную проблему: неразличение развернутых членов предложения и придаточных в составе сложноподчиненной конструкции.

К основным союзным словам ингушского языка, участвующим в организации сложноподчиненных предложений с временными отношениями, относятся: *алале* 'как только', *алалехьа* со значением 'только... как, до того как', *мел* 'пока', *массаза* 'всякий раз когда, каждый раз когда'. Примеры с перечисленными союзными словами, используемые в тексте, являются авторскими.

(1) *Гуйре (NOM) хьэаттай алале, доглаш (NOM) доладеллар.* / 'Как только наступила осень, начались дожди'.

(2) *Малх (NOM) хьалбаьннаб алалехьа, кьахь (NOM) отт.* / 'Как только всходит солнце, устанавливается зной'.

(3) *Нане (ERG) фавьлаш (NOM) мел дуви, тховс безам бацар бера (GEN).* / 'Пока бабушка рассказывала сказки, желания заснуть у ребенка не возникало'.

(4) *Клерам массаза сог, михо (ERG) боабу из.* / 'Всякий раз, когда зажигаешь свечку, ветер ее тушит'.

(5) *Бер (NOM) Io мел ховча хана, нанас (NOM) гIo ду цунна.* / 'Всякий раз, когда ребенок садится, мать помогает ему'.

Из перечисленных средств связи в данной статье рассматриваются только союзные слова *алале* 'только... как', *алалехьа* со значением 'как только' и *мел* 'пока', относящиеся к соединительным скрепам с неоднозначно мотивированным корнем. Союзное слово с временным значением *массаза* 'каждый раз когда' представляет собой элемент (или рудимент) синтетического строя ингушского языка [6, р. 33-35], доставшийся данному эргативному языку в наследство от его старого строя. Ф. Г. Оздоева, исследовавшая сочинительные и подчинительные союзы ингушского языка с точки зрения их состава [4], не выделяла *алале* и *алалехьа* как средство связи между частями гипотаксиса.

Позиция и состав гетерогенных союзных средств, участвующих в организации сложноподчиненного предложения с придаточным времени, различаются не только функцией когезии между частями сложной конструкции.

Придаточные предложения нахского языка с союзом *алалехъа* 'как только', *алале* 'только как', введенные в синтаксис сложного предложения Х. Р. Хайровой и отмеченные ею как слова, утерьявшие первоначальный смысл [1, с. 206], активно участвуют в выражении временных отношений между частями сложноподчиненного предложения, к которым могут примыкать *mlatexa malanaui* 'добавочные значения', или вторичные смыслы-коннотации.

Союзные слова *алале*, *алалехъа*, например, стабильно занимают место после глагола в конце придаточной части перед главным предложением, если зависимое предложение располагается перед главным:

(6) *Kl'aŋkağa nana (NOM) liŋŋaiŋ alale, juha xarçaxъа lela volalu iz (NOM).* / 'Не успеет мать пожурить ребенка, как он опять начинает баловаться'.

(7) *Xl'amaiŋ (NOM) xъalъxkai alalexъa, miho (ERG) цу сахъте ловсар йохийт уж.* / 'Как только повешишь вещи, ветер тотчас подсушивает их'.

Если зависимое предложение стоит после главного, то союзное слово уходит в конец сложного высказывания:

(8) *Bolxloy (NOM) gluakxaiŋ de ott, xъakim (NOM) guchavъŋnav alalexъa.* / 'Рабочие берутся за дела, как только начальник объявляется'.

(9) *Selalad (NOM) guchaiol, dogla (NOM) doagla alale.* / 'Радуга появляется, как только польет дождь'.

(10) *Чай дотт оал массане (ERG), чейнико (ERG) клежъяьккхай алаллехъа.* / 'Все просят налить чай, как только закипает чайник'.

Иллюстрации указывают на тот факт, что позиция производного союзного слова *алале* (*алалехъа*) фиксированная, союз располагается в конце придаточной части:

(11) *Malx (NOM) xъalбаъŋnab alalexъa, loamanche (NOM) siŋrdаяъlar.* / 'Как только взошло солнце, засияла страна гор'.

Две номинативные конструкции (пример 11), образующие сложноподчиненное предложение, соединены производным союзом *алалехъа*. А. З. Гандалоева вслед за Х. Р. Хайровой отмечает, что у этого союза «алара *malan дайнад* значение "произнесение" утеряно» [2, с. 175]. В самом деле, экстрагирование полнозначного слова, каузативного глагола (*алале* и *алалехъа*), в область одной из служебных частей речи (союза), естественно, сопровождается сдвигом в семантике, десемантизацией – в нашем случае, или в других условиях это может быть перераспределение семемной зоны.

Исторически союзное слово *алалехъа* возникло на основе полнозначного каузативного глагола *алале*, участвующего в характерной для ингушского языка каузации, экстрагирующей свойство эргативного глагола в область действия локативного лица [10, с. 217]: *ала* 'сказать' и *ле* 'дать' (букв. *алале* 'дать (передать) «сказать»'). Связь между двумя инфинитивными эргативными глаголами композита (*ала* и *ле*) определяется как несильно идиоматизированная. Идиоматизация понимается нами согласно концепции В. А. Плунгяна, когда речь идет о неполной идиоматизации. Ингушский каузативный глагол, транспонируемый в союзное слово, синхронно членится на составляющие, демонстрируя, если использовать терминологию В. А. Плунгяна, неоднородность «идиоматичных образований» [5, с. 46-49].

Десемантизация заключается в том, что производный каузативный глагол *алале* в процессе экстрадиции в зону служебной части речи потерял свое лексическое значение (*ала* 'произнести') и грамматическое каузативное значение второй части слова (*ле* 'дать, передать'), но приобрел временную сему союзного слова 'только как, как только'.

Присоединение к подобного рода доминантным глаголам аффиксоида *-хъа* указывает на погружение в зону идиоматизации еще на один квант и на сужение временного промежутка для осуществления основного действия. На наш взгляд, темпоральную сему союзное слово (*ала-ле*, *ала-ле-хъа*) приобрело благодаря аффиксоиду *-лу*, соотносенному в ингушском языке с автономным глаголом настоящего времени современного словаря *лу* 'даю' (например, *оал-лу* 'даю сказать' как перформативное явление). Инфинитивная форма (*ала ле* 'дать сказать') свидетельствует о незавершенности процесса переложения свойства эргативного лица (*ала* 'произносить') в область действия локативного эго. Перформативность – это интересная, малоисследованная в ингушском языке область языка, непосредственно связанная с рамочными каузативными процессами [8, с. 27-28]. Сравните финитные и инфинитивные конструкции фрейма каузации, транспонирующего свойство эргативного глагола с эргативным эгоцентриком в качестве магистральной валентности в сферу действия свойств локативного лица:

(12) *Аз (ERG) оал.* / 'Я произношу'.

(13) *Аз (ERG) дош ала мег.* / 'Возможно, я выступлю с речью'.

(14) *Аз (ERG) дош алале.* / 'Пока я произношу речь'.

(15) *Сога (ЛОК) «оал» дала мег.* / 'Возможно, мне дадут произнести' (перформативная ситуация: букв. 'Возможно, мне (пере)дадут «произношу»').

(16) *Сога (ЛОК) оалдала мег.* / 'Возможно, у меня получится произнести'.

(17) *Сога (ЛОК) оал лу.* / 'Мне дают сказать' (букв. 'Мне дают «произношу»').

(18) *Сога (ЛОК) оаллу (CAUSPRS).* / 'У меня получается произнести'.

(19) *Сона (AFF) хов, сога (ЛОК) оаллу.* / 'Я знаю, что я могу произнести'.

Суть приведенного фрейма каузации заключается в том, чтобы переложить свойство эргативного компонента парадигмы лица (пример 12) в сферу действия свойств локативного лица (пример 18). В финали фрейма лицо с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания (пример 19) удостоверяет, что процесс передачи свойства (в нашем случае – «произнесения») удачно завершен. Фрейм указывает, как генерируется в эргативном языке локативное лицо и откуда берутся его свойства.

Полнозначный инфинитивный глагол *алале* благодаря аффиксоиду *-ле*, соотнесенному в ингушском языке с автономным глаголом *ле* 'дать', приобретает временную семантику '*пока*'. Приобретение темпоральной семы происходит в процессе возникновения сложного слова, состоящего из двух эргативных глаголов, кодирующих эргативное лицо *аз* 'я' (vs. номинативному лицу *со* 'я') в качестве магистральной валентности. Финальный эргативный глагол, оказавшись в слабой позиции, экстрагирует в морфему-аффиксоид (*алале* 'произнести *дать*'). К основному эргативному глаголу *ала* 'произнести' добавляется доминантный эргативный глагол *ле* 'дать', который требует временного промежутка для осуществления основного действия эргативным лицом (передачи свойства *ала* 'произнести' локативному лицу). К подобного рода новообразованиям, связанным с фреймом каузации (формирования локатива), в ингушском языке регулярно примыкает другой аффиксоид *-хьа*, коррелирующий с автономным доминантным уже номинативным глаголом синхронного ингушского словаря (*хьа* 'двинуться, шевельнуться'). Сравните конструкции со словами с аффиксоидами и одноименными автономными глаголами:

(20) *Догла хьатладале вала*. / 'Завершить до прихода дождя'.

(21) *Кема Iохалехьа кхе*. / 'Успеть до посадки самолета'.

(22) *ЖIалена даш ле*. / 'Дать собаке корм'.

(23) *СихагIа хьа*. / 'Двигайся // Шевелись побыстрее'.

Союзное средство *алалехьа* со значением 'как только, до того как' следует отличать от устойчивого сочетания слов *ак алалехьа* 'пока не произнес звук', *чIикь дакхалехьа (алалехьа)* 'пока не пискнул'. Сравните конструкции:

(24) *Аз (ERG) ак алалехьа, наIараиш (NOM) хьаелаелар*. / 'Не успел я открыть рот (букв. *ак ала ле* 'звук молвить дать'), как двери открылись'.

(25) *Болхлочо (ERG) хий хьадийлад алале, цIен юккье Iам (NOM) эттар*. / '**Только** рабочий открыл воду, **как** посередине комнаты образовалась лужа'.

(26) *Са тессад алалехьа, ди (NOM) дIохьлу вайна*. / '**Как только** рассветает, день становится жарким'.

В придаточных конструкциях с идиоматизированными отношениями (первая часть примера 24) и в конструкциях со свободным порядком слов (примеры 25, 26) эргативный глагол с каузативной функцией (*ле* 'дать, передать') обуславливает генерацию временного значения.

В неизменном виде мотивированные союзы (*алале, алалехьа*) подобного рода сохраняются благодаря неизменяемости ингушских частей речи, которыми эти союзные слова как композиты представлены.

Если позиция союзных слов (*алале, алалехьа*) стандартная, фиксированная, то придаточное предложение с темпоральной семантикой, соединенное этими союзами, может располагаться в препозиции или постпозиции по отношению к главному предложению.

Части гипотаксиса с придаточным времени ингушского языка могут состоять из неоднородных предикаций, организованных глаголами различных корпусов:

(27) *Со (NOM) мукъаваннав алале, кхьыбола болх качбол сона хьакимо (ERG)*. / 'Как только я освободился, начальник новую работу вешает мне на шею'.

Придаточное обстоятельственное предложение (пример 27) с темпоральной семантикой, находящееся в препозиции по отношению к главному, представлено номинативной предикацией, главная часть организована эргативной конструкцией.

Полнозначное, автономное употребление эргативного глагола *алалехьа* связано с одним из лиц парадигмы, т.е. с эргативным эгоцентриком – лицом произносящим [Там же, с. 253]:

(28) *Аз (ERG) доиш алалехьа ваха везац*. / 'Не надо уходить до конца моей речи' (т.е. в процессе произнесения мною речи).

Главное и зависимое предложения могут состоять из гомогенных предикаций:

(29) *Нах (NOM) цIааха болабеллар, тIом (NOM) сецаб алале*. / 'Люди стали возвращаться домой, когда закончилась война'.

Предикации обеих частей предложения представлены двумя номинативными глаголами. Действие глагола прошедшего времени (*фу даьд?*), завершенного аспекта придаточной части, представляет причинное событие, предшествующее по времени действию глагола-сказуемого основной конструкции. Действие глагола основной части, обозначающее следствие, представлено глаголом в форме так называемого «очевиднопрошедшего» времени (первая часть примера 29).

Союзное слово *алалехьа* возникает на основе полнозначного каузативного глагола *алале* 'дать сказать' при помощи аффиксоида *хьа*, соотнесенного с автономным словом *хьа* с семантикой 'двинуться, шевельнуться' (*алале + хьа = алалехьа*). Лексема *хьа* 'двинуться' выдвигается в нахском языке в качестве доминантной, так как обозначает «движение», квалифицируемое эргативным мышлением в качестве базового:

(30) *Бийса (NOM) хIатIаенай алалехьа, кхынча (NOM) гучайоал сигала*. / 'Как только наступает ночь, луна появляется на небе'.

(31) *Бийса (NOM) xlatlaena ялалехъа, цлакхача веза са.* / 'Мне надо вернуться домой до того, как наступит ночь' (букв.: до того, как наступит ночь, *хъа* 'шевелись, двигайся', т.е. 'успеть').

Агглютинатив *-ле* как аффиксальная морфема исторически образовался посредством транспозиции автономного эргативного глагола *ле* 'дать, передать' в область морфемки, т.е. в суффиксоид.

Агглютинатив *-хъа* как аффиксальная морфема возник посредством транспозиции автономного номинативного глагола *хъа* 'двинуться' в суффиксоид.

Стандартность аффиксоидов (*-ле, -хъа*) как агглютинативов определяется их инфинитивностью, т.е. неизменяемостью в составе производных слов (*алале, алалехъа*), что и придает им статус агглютинатива, отличающегося от других морфем одним грамматическим значением, стандартной формой и фиксированной позицией по отношению к глаголу. Неизменяемость глаголов *ала* 'сказать, произнести', *ле* 'дать', *хъа* 'двинуться, устремиться' – это главное условие сохранения слова *алалехъа* 'пока произношу совершить', состоящего из трех автономных глаголов, которые в бытность ингушского языка в зоне синтетичности следовали друг за другом и в таком виде (очереди) исторически экстрадировали как отрезок речи в область эргативности. В синхронном ингушском языке финальные глаголы (*ле* и *хъа*) в качестве аффиксоидов перераспределились, т.е. перешли в область морфемки, приобретает статус суффиксоидов-агглютинативов. Подобного рода дистрибуция финальных глаголов оказалась возможна благодаря слабой позиции конца слова, в которой эти глаголы исторически оказались. Перераспределение автономных слов подобного рода сигнализировало о конце синтетических отношений между словами и зарождении эргативных (морфемных, служебных) связей в ингушском языке.

Сегменты *-ле-хъа* (букв. 'дать двигаться') в условиях десемантизации каузативного глагола *алалехъа*, т.е. его транспозиции в сферу союзных слов, приобрели грамматическое значение '«успеть» пока не...'. В ингушском языке подобного рода отрезки, указывающие на аффиксоидность современного состояния языка, хорошо сохранились и часто легко объяснимы благодаря:

- 1) неизменяемости составляющих новообразования (слова-композиата), попавшего в зону служебной части речи;
- 2) неглубокой (легкой) степени идиоматизации с сохранением членимости лексемы на составляющие;
- 3) их соотносению с автономными словами современного языка, верифицирующими наличие и функцию аффиксоида в современной ингушской дериватологии.

Другой ингушский союз *мел* (*миел*) с временным значением 'пока', омонимичный вопросительному местоимению (*миел?* 'сколько?'), обычно располагается перед глаголом-сказуемым, в отличие от союзных слов *алале // алалехъа*, постпозиционных по отношению к глаголу-предикату зависимого предложения:

(32) *Са (NOM) метта дацар са, ди (NOM) мел къувкъ.* / 'Моя душа была не на месте, **пока** гремел гром'.

Позиция союзного слова *мел* 'пока' может быть интерглагольной. Союз с временным значением может разрывать глагол-сказуемое на морфемном шве после приставки:

(33) *Ха (NOM) дукхагIа дIа мел йода, дицлац хинна хатар.* / 'Сколько бы много времени ни прошло, не забывается произошедшая неприятность'.

После двух-трех приставок перед корнем:

(34) *ДогIа (NOM) xlatla мел детталу, дIа ца водаш лаьттар баьре (NOM).* / 'Пока хлестал дождь, всадник стоял, не уезжая из-под него'.

(35) *Жуккарг (NOM) тIакIалтIа мел вувл, нах (NOM) геттара цецубвлар.* / 'Пока акробат кувыркался, люди все более удивлялись'.

Отношения между частями такого сложного предложения осложняются вторичными отношениями меры. Главное предложение (пример 33) представлено аффективной предикацией (*дицлац*), зависимое – номинативной, в целом конструкция демонстрирует единый временной план.

И. А. Оздоев и Н. Ф. Яковлев при определении структуры гипотаксиса большее значение придавали субъекту действия придаточной предикации, отличному от субъекта действия глагола-сказуемого главного предложения [3; 11], который, на наш взгляд, прототипически соотносится с одним из лиц парадигмы [8, с. 45-46].

Разница модального плана частей сложноподчиненного предложения определяется функцией компонентов парадигмы лица, встроенных в семантическую структуру ингушского глагола на правах первой валентности: в главной части (пример 33) это аффективное лицо, участвующее в процессе каузации. Сравните каузативные конструкции, представленные различными эгоцентриками парадигмы лица: постулированной и приобретенной семантики (*Аз (ERG) дицду.* / 'Я забываю' и *Сона (AFF) дицду.* / 'Я забываю' и *Сога (LOK) дицдала мег.* / 'Я могу забыть').

Союз *мел* может располагаться и перед финальной морфемой глагола-сказуемого:

(36) *Саготано (ERG) со дIауваза мел ву, дукхагIа духьаллатта безам бар са.* / 'Пока печаль меня окутывала, мне все больше хотелось сопротивляться ей'.

Местоименный союз *миел* разрывает каузативный глагол (*увзаву* 'окутывала') перед аффиксоидной [Там же, с. 230-232] частью слова (*ву* 'делаю').

Союз *мел* способен внедряться в середину двойного корня, располагаясь между частями редупликационного глагола:

(37) *Аз (ERG), оаша (ERG) оала мел оал, аьлийтар шуга.* / 'Я, пока вы говорили, дал вам высказаться' (букв. 'Я, пока вы говорить говорили, дал вам высказаться').

Обе конструкции сложноподчиненного предложения представлены эргативными глаголами, подчиненный из которых по структуре редупликативный.

Кроме своей основной связующей роли союз *мел* выполняет коннотативно и функцию усиления значения глагола-сказуемого:

(38) *Со* (NOM) *мел лув, аз мел дувц, йист ца хулаш, ладувгIаш хилар хьашиа* (NOM). / 'Пока я говорил, пока я рассказывал, гость оставался молчаливым (букв. 'молча слушаю, стоял гость').

Придаточное предложение с семантикой времени, вводимое союзным словом *мел*, может занимать различную позицию (анлаутную, инлаутную или аулаутную) в составе сложной конструкции:

(39) *Бийса* (NOM) *мел йIавьхлу, дуккхагIа шеллу цIа* (NOM). / 'Пока длится ночь, дом остужается'.

(40) *Сибат* (NOM) *талх сага, кьаракьо* (ERG) *хIалак мел ву*. / 'Внешний вид портится у человека, пока его истязает водка'.

(41) *Дас* (ERG), *бер* (NOM) *делх мел делх, теркал дацар из*. / 'Отец, пока плакал ребенок, не обращал на него внимания'.

Производное союзное слово *мел* сильно привязано к сказуемому, равно как и союзные слова *алале*, *алалехьа*, однако его подвижность не выходит за пределы анлаутной и интерлаутной позиции по отношению к предикации. В постпозиции глагола этот союз не встречается, в отличие от союзного слова *алале* (*алалехьа*), который, напротив, не стоит в препозиции сказуемого.

Диакронически союзное слово *мел* в ингушском языке восходит к словосочетанию *ма Iэл* 'насколько остаться' (от инг. *ма Iуел Iуе* 'остаться **настолько**, насколько сможешь'), указывающему на **длительность** протекания действия. Продолжительность как временной компонент сохраняется при экстрадиции сочетания *ма Iуел* в союзное слово *миел* со значением 'пока' (например: *Ха йий хьога?* / 'Время есть у тебя?' – *Ма Iуэл я*. / 'Есть, насколько смогу оставаться', т.е. пока буду оставаться).

В ингушском языке глагол *Iуе* 'остаться, пребывать' относится к доминантным, т.е. к одним из таких глаголов, которые выдвигаются для участия в генеративных процессах, в нашем случае – в словообразовательном.

Редукция звука [а] в составе усилительной частицы *ма* (сочетания *мь Iуэл*) связана с краткостью финального звука этой частицы [*мь Iуэл*], почти непроемкого. Надгортанный звук [1] последующего слова *Iуел*, располагающийся рядом с сильно кратким гласным слова *м[ъ]*, в результате редукции сильно краткого [а] оказывается в позиции соседства с губным сонорным [м]. Для гортанного звука [1] позиция после губного звука [м] является слабой по месту и способу образования, так как этот звук относится к *гола тохачара оаз* 'к звукам на повороте' в гортанную полость речевого аппарата и является смычным в отличие от смычно-проходного сонорного [м]. В ингушском языке в такой позиции происходит диереза [1], так как его способ и место образования (горло) полярны способу и месту образования губного сонорного звука [м]. Фонетический процесс элиминации звука подобного рода исторически способствовал появлению в ингушском языке (из отрезка идиоматического сочетания двух кратких лексем *ма Iуел* 'насколько остаешься' или 'пока остаешься') служебного слова *миел* (от *ма Iуел*). Звуковые преобразования, связанные с действием универсального закона экономии языковых средств, сохранили его в современном словаре в качестве усилительной частицы *миел* (из *ма Iуел Iуйра* 'он оставался, сколько мог, или пока мог') и союза *миел* со значением меры и степени, омонимичным союзному слову с временным значением *миел* 'пока' (инг. орфогр. *мел*). В деривации этих слов принимает участие частица *ма* с усилительным значением, валентная контактирующему с ним полнозначному слову. Характер деривации союза *миел* с временным значением указывает на тот факт, что это не аффиксоидное словообразование, так как диерезой звука [1] нарушено соответствие второй финальной части слова (*ма Iуел*, *ма Iуе*, *ма Iар*) автономной лексеме современного ингушского словаря (*Iуе* 'остаться, пребывать', *Iуел* 'останься, пребывай'). Синхронное соответствие суффиксоида и автономного слова, от которого образована морфема в одном словаре ингушского языка, – главное условие функции аффиксоидов в языке.

Сочетание *ма/Iуэл* ('насколько остаешься', 'пока пребываешь'), на наш взгляд, более сродни элементу синтетического строя языка, чем его рудименту, который группировался вокруг глагола. Исторически, в бытность ингушского языка в ипостаси синтетического строя, это сочетание функционировало, на наш взгляд, как часть смыслового отрезка в составе слова-предложения.

Семантическая константа (временная семема) контактирующих лексем (*ма Iуел*): частота их употребления и известная неизменяемость (за исключением фонетического процесса – диерезы гортанного звука) составляющих идиоматизированного отрезка этой речи (*ужказа ма Iуел Iуэ (Iар) ха я сога* 'у меня есть время, пока могу пребывать здесь'), контактного с глаголом, способствовали его экстрадиции в союз с временным значением. Характер коннотации (вторичного, добавленного) значения к союзу с семантикой меры и степени или к союзному слову с временным значением выявляется в условиях анализа семантического наполнения предикативных конструкций частей ингушского сложноподчиненного предложения.

Выводы. Таким образом, характер отношений между частями сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным времени в ингушском языке оформляется различными способами, например посредством союзных слов, исследованных в статье.

Союзные слова ингушского языка (*алале*, *алалехьа*, *мел*), соединяющие части сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным времени, релевантны с точки зрения:

- 1) их деривации (аффиксоидность, словосложение как результат фонетических процессов);
- 2) места по отношению к глаголу;
- 3) отношений, возникающих между частями гипотаксиса;

- 4) позиции в составе сложной конструкции;
- 5) предикации, организованной глаголами различных корпусов.

Части гипотаксиса эргативного языка могут быть объединены такими союзными словами, которые образовались аффиксоидным способом (инг. *ала-ле*, *ала-ле-хья*) в результате экстрадиции финальных инфинитивных слов в агглютинативы.

От способа возникновения связующего средства (аффиксоидный способ, композит, диахронически экстрагировавшийся из синтетического строя ингушского языка в эргативный строй) в ингушском языке зависит не только характер отношений, возникающих между частями сложного предложения, но также и место союзного средства в составе высказывания.

Пути образования союзных слов с временной семантикой неоднозначны. При экстрадиции самостоятельных глаголов в сферу служебной части речи (в нашем случае – союза) семантически гетерогенные доминантные глаголы (эргативный *-ле* и номинативный *-хья*) приобретают статус аффиксоидов-агглютинативов благодаря своей неизменяемости (инфинитивности).

Кроме своей основной связующей функции союз с временным значением может придавать предикации и оттенок усиления значения, примыкая к нему в анлауте или внедряясь в его состав в инлауте.

Мотивированные союзные слова (*алале*, *алалехья*, *мел*), обуславливающие временные отношения между главной и зависимой частями гипотаксиса, могут располагаться:

- 1) в позиции после глагола-сказуемого (примеры 1-2, 6-11, 25-26, 29-30);
- 2) в позиции перед сказуемым (примеры 3, 32, 38-39);
- 3) после приставки перед корнем (пример 33);
- 4) после двух-трех префиксов перед корнем (примеры 34, 35);
- 5) после корня перед вторым корнем, экстрагированным в морфемную зону (примеры 36, 40);
- 6) между аналитически представленной редупликационной формой глагола-сказуемого (примеры 37, 41).

У однородных конструкций сложного предложения обычно совпадает модально-временной план, сильно зависящий от функции лица парадигмы, встроенного в семантическую структуру ингушского глагола, корпусно дифференцированного. Предикация сложной конструкции с зависимым обстоятельством времени может состоять из однородных номинативных глаголов (примеры 6, 9, 11), однородных эргативных глаголов (примеры 7, 10). Грамматическая основа частей гипотаксиса может состоять из сочетания эргативного глагола в главной части и номинативного глагола-сказуемого в зависимой (примеры 27, 41) или из номинативной предикации в главной части и эргативного глагола в зависимой части (примеры 25, 40). А также может состоять из аффективного сказуемого в главной и номинативной зависимой конструкции (пример 33).

Исторически гетерогенные глаголы, в семантической структуре которых закодированы различные эгоцентрики парадигмы, объединяются, образуя составное или сложное сказуемое, смешивающее глаголы различных корпусов. Такие глаголы в ингушском языке, например каузативные, приобретают способность экстрагировать в служебные части речи. В современном эргативном языке такие средства связи, как *алале* и *алалехья*, образовались на основе каузативных глаголов аффиксоидным способом.

Диахронически в пределах синтетического строя ингушского языка начали складываться союзные слова *алале*, *алалехья миел* (орф. *мел*), сыгравшие свою роль в экстрадиции данного нахского языка в область эргативности. В пределах этого строя произошло слияние двух элементов языка: *ма луел* 'насколько остаешься', 'сколько пребываешь' или 'пока пребываешь', возникших (от *ма луел луе* 'оставаться пока возможно') в результате семантических изменений и фонетических преобразований на морфемном шве. Реорганизация языковых единиц подобного рода, происходящая в пределах различных строев (синтетического и эргативного) одного языка, результировавшая синхронно союзными словами с временным значением (*алале*, *алалехья*, *миел*), придает ингушскому языку статус языка-основы нахской группы языков.

В перспективе важным с точки зрения практического применения представляется изучение связующих средств сложной конструкции в связи не только с глаголами-сказуемыми различных корпусов, генерирующих слова различной частеречной отнесенности, но и с функцией компонентов парадигмы лица ингушского языка.

Список источников

1. Баркинхоева З. М., Хайрова Х. Р. Проблемы синтаксиса ингушского языка. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-ФА, 2007. 232 с.
2. Гандалоева А. З. Хланзара гIалгIай мотт. Синтаксис: дешара пособи университета студенташта лаьрхIа. Назрань: КЕП, 2018. 352 с.
3. Оздоев И. А. К вопросу о сложноподчиненном предложении в ингушском литературном языке // Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1981. С. 23-33.
4. Оздоева Ф. Г. Союзы в современном ингушском языке // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975. С. 223-239.
5. Плулган В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
6. Тариева Л. У. Генерация союзного слова синтетического типа, объединяющего части гипотаксиса эргативного языка // Annali d'Italia. 2020. Vol. 2. № 5. P. 33-38.
7. Тариева Л. У. Деривация наречий с аффиксоидным формантом // Ученые записки ИнГНИИ им. Ч. Э. Ахриева. Серия «Филология». 2013. № 1. С. 284-296.

8. **Тариева Л. У.** Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань: Кеп, 2017. 376 с.
9. **Тариева Л. У.** Функция суффиксоидов в процессе речетворчества // Известия Волгоградского государственного педагогического государственного университета. 2014. № 2 (87). С. 59-63.
10. **Тариева Л. У., Киева З. Х.** Семантика наречий места и наречных форм в ингушском языке // Кавказоведение в системе общей культуры и образования (к 25-летию со дня рождения З. К. Мальсагова): материалы Международной научно-практической конференции. Назрань: Кеп, 2019. С. 212-220.
11. **Яковлев Н. Ф.** Синтаксис ингушского литературного языка. М.: ACADEMIA, 2001. 472 с.

Derivation of Conjunctives Connecting Adverbial Clauses of Time in the Nakh Language

Tarieva Liliya Uvaisovna, Dr
Ingush State University, Magas
Tarieva00@mail.ru

The article examines conjunctives connecting adverbial clauses of time from the viewpoint of their motivation and position in a complex sentence. It is shown that in the Nakh language, adverbial clauses of time contain connectors historically associated with affixational morphemes or with synthetic means of form-building. Scientific originality of the study lies in the fact that the analysis of connectors expressing temporal relations focuses on identifying their etymological specificity, it throws light on conjunction derivation process in the ergative Nakh-Dagestani languages in general. For the first time the structure of a conjunctive word is considered from the viewpoint of functional specificity of words-morphemes, as well as synthetic means that historically evolved into a single lexeme capable of transforming into an auxiliary word. The research findings can be used to differentiate motivated and primary conjunctive words. The obtained results indicate that primary conjunctive words can be rightfully classified as the native Nakh words.

Key words and phrases: Nakh language; conjunctive; affixoid; morphemic seam; anlaut position; inlaut position; homogeneous predications.